

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 г.

Выпуск
215

Главный редактор
В. В. СЕДОВ

Москва «НАУКА» 2003

УДК 902/904
ББК 63.4
К 78

Редакционная коллегия:

В.И. ЗАВЬЯЛОВ (ответственный секретарь),
Л.В. КОЛЬЦОВ, С.Н. КОРЕНЕВСКИЙ, В.Д. КУЗНЕЦОВ, Н.В. ЛОПАТИН,
В.В. СЕДОВ (главный редактор)

Рецензенты:

доктор исторических наук А.А. МАСЛЕННИКОВ,
доктор исторических наук А.А. МЕДЫНЦЕВА

Краткие сообщения Института археологии / Ин-т археологии. – М.: Наука, 1939. – . –

Вып. 215 / Гл. ред. В.В. Седов. – 2003. – 107 с. – ISBN 5-02-032730-1

В выпуске публикуются статьи о результатах новейших исследований в области каменного и бронзового веков, скифо-сарматской, античной и средневековой культуры. В научный оборот введены наиболее существенные экспедиционные открытия, систематизированы вещевые и керамические находки, характеризуются результаты камеральных изысканий. В издании публикуются и работы периферийных археологов, сделавших доклады в Институте или на конференциях, проводимых Институтом. Завершается издание заметками, в которых дана информация о научной деятельности Института и его подразделений.

Для археологов.

ТП-2003-П-№ 187

ISBN 5-02-032730-1

© Российская академия наук и издательство “Наука”, серия “Краткие сообщения Института археологии” (разработка, оформление), 1939 (год основания), 2003

Янин В.Л. У истоков Новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. 151 с.

В отличие от других государственных образований Древней Руси, которые имели княжеско-монархическое управление, Великий Новгород с подчиненными ему обширными землями был боярской республикой. Во главе Новгородского государства стояли избираемый на вече посадник и приглашаемый со стороны князь, права и обязанности которого регламентировались договорами со ссылкой на “грамоты Ярославли”. Подобная форма управления была еще только во Пскове, но там она во многом просто копировала новгородскую.

Летописные сведения и актовые материалы не представляли возможностей для обстоятельного решения вопросов становления и развития республиканского строя в Новгороде. В исторической литературе сложилось мнение, что до середины 30-х годов XII в. в государственной жизни Новгорода, как и в других древнерусских землях, важнейшая роль принадлежала князю. И только после событий 1136 г., когда новгородское вече обвинило князя Всеволода в проводимой им внутренней и внешней политике, неугодной и разорительной для Новгорода, и выслало его из города, оформилась вечевая структура государственного управления. Однако многое при этом оставалось неясным, целый ряд вопросов оставались без ответов. Так, не объяснены были причины, не выяснены конкретные условия становления новгородского государственного строя, крайне туманной оставалась историческая ситуация трансформации монархического правления в княжеско-республиканское.

Решение этой проблемы стало возможным на основе комплексного подхода к данным истории и археологии. В результате систематического археологического изучения Великого Новгорода, ведущегося в течение последних десятилетий под руководством В.Л. Янина, заметно пополнился не только собственно археологический, но и исторический источниковый фонд. Становится все более и более очевидным, что раскопные изыскания в Новгороде имеют первостепенное значение не только для изучения быта, культуры и экономики города и его земли, но и для решения крупных исторических тем. Думается, что в настоящее время история Древней Руси уже не может быть понята в полном объеме только на основе анализов и толкований текстов летописей, грамот, актов и иных письменных документов. Полноценное освещение коренных и многих частных вопросов древнерусской истории на современном уровне стало невозможным без широкого привлечения данных археологии.

Это отчетливо и ярко продемонстрировал В.Л. Янин в рецензируемой книге, в которой процесс становления новгородской государственности приобретает вполне реалистический характер. Оказывается, что 1136 г. в Новгороде не был началом республиканского правления, истоки этого процесса уходят в глубокую древность.

Как известно, с 1973 г. археологические работы Новгородской экспедиции были сосредоточены в Людином конце средневекового города, где на

Троицких раскопах исследована площадь свыше 7000 кв. м. Раскопками выявлены и изучены мостовые трех древних улиц – Пробойной, Черницыной и Ярышевой, открыто несколько усадеб, существовавших здесь на протяжении нескольких столетий.

Среди них заметно выделяется усадьба “Е”. Если средние размеры усадеб рассматриваемого региона Великого Новгорода составляли 400–600 кв. м, то ее площадь приближалась к 1400 кв. м. Обнаруженные на усадьбе находки достаточно определенно указывают на ее административный характер. На усадьбе открыт настил из шестиметровых сосновых плах, занимавший площадь около 126 кв. м. Выявленные в плахах отверстия свидетельствуют о том, что постройка имела перекрытие. Следовательно, собиравшиеся здесь для обсуждения и решения каких-то дел люди могли работать в любую погоду. На одном из элементов этого строения имелась вырезанная княжеская эмблема, что указывает на какую-то связь с княжеской администрацией. Дендрохронологическое изучение остатков настила показало, что он был сооружен в 1126 г. и позднее неоднократно обновлялся. В напластованиях усадьбы “Е”, датируемых 20–70-ми годами XII в., обнаружено свыше сотни берестяных грамот – “рекордное число за все время раскопок”, подчеркивает В.Л. Янин. Исследователь обращает внимание на то, что большинство из них (92) оказалось порванными еще в древности. Очевидно, содержания грамот составляли какие-то тайны, они разрывались, поскольку суть написанного не должна была стать достоянием посторонних.

Изучение текстов берестяных грамот свидетельствует, что на усадьбе “Е” решались судебные дела. Более того, определяется, что она была местопребыванием сместного суда (суда князя и посадника). Такой суд вел все дела Новгородского государства – гражданские, уголовные, торговые, имущественные, включая утверждение землевладельцев в правах собственности на вотчины. Известно, что резиденцией князя было Городище. Сам князь не участвовал в судебных процессах, от его имени действовал полномочный представитель из числа знатных новгородцев. На усадьбе “Е” эти княжеские чиновники совместно с посадниками и вершили верховное судопроизводство Великого Новгорода.

Более того, анализ берестяных грамот этой усадьбы позволил В.Л. Янину выявить информацию о ряде конкретных судебных дел и даже функционеров новгородского сместного суда середины XII в. Таковыми были Петрок (Петр) и Якша. Имя первого встречено в 17 грамотах, и исследователь убеждает читателей, что это был известный по летописям боярин Петр Михалкович, принадлежавший к новгородской элите. Оказывается, что он был отцом Олисея Гречина – известного художника и священника высокого ранга, усадьба которого была исследована раскопками ранее по соседству в слоях рубежа XII и XIII вв. и монографически опубликована*. Известно, что Юрий Долгорукий, имея целью прекратить вражду Ростово-Суздальской Ру-

* Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981.

си с Новгородом, женил своего сына Мстислава на дочери Петра Михалковича. Жена последнего – Морена также называется в текстах берестяных грамот, обнаруженных на усадьбе “Е”, из них следует, что это была весьма влиятельная женщина – в отсутствие Петра Михалковича в Новгороде к ней за советом обращался новгородский князь.

Якша, определяет В.Л. Янин, это – известный по летописям новгородский посадник Якун Мирославич. Он был представителем прусского боярства и избирался посадником трижды – на периоды 1137–1141, 1156–1160 и 1167–1170 годов. В 1170 г., когда Новгород был осажден суздальцами, Якун Мирославич выносил на крепостные стены города икону “Знамение”. Осаждавшие вынуждены были отступить, и икона стала главной чудотворной святыней средневекового Новгорода.

Далее на основе берестяных грамот В.Л. Янин определяет, что в конце XII в. вершителями сместного суда Новгорода были Олисей Гречин в качестве представителя князя и посадник Мирошка (Мирослав) Несдинич, управлявший городом и его землей, согласно данным летописей, в 1189–1204 гг. и много сделавший для упрочнения вечевого строя.

Становление сместного суда в Новгороде, решения которого не могли быть приняты без посадника, таким образом, датируется 1126 г. Это был определенный этап развития новгородской государственности. В 1125 г. умер могущественный Владимир Мономах, отмечает В.Л. Янин, и новгородцы воспользовались этим.

Вместе с тем, В.Л. Янин устанавливает, что усадьба “Е” имела административно-общественный характер и в более раннее время – в XI и в начале XII в. Об этом достаточно определенно говорят обнаруженные при ее раскопочных исследованиях 15 берестяных грамот и особенно 40 деревянных цилиндров. Несомненный интерес представляют последние находки. Они имеют по два взаимно перпендикулярных отверстия, в которые вводились концы веревок или кожаных шнуров, стягивавших горловины мешков с ценностями. Концы завязывались и прятались внутрь цилиндров, после чего поперечный канал забивался деревянной пробкой, противоположный конец которой еще и расклинивался. Таким образом, цилиндры надежно гарантировали сохранность и неприкосновенность мешков с ценностями.

Расшифровка назначения цилиндров принадлежит В.Л. Янину. На многих из них имелись краткие надписи, знаки или зарубки. Анализ их дал возможность утверждать, что цилиндрами маркировались мешки с долей доходов, предназначенных князьям или сборщикам даней. Княжеская доля скреплялась цилиндрами с надписями КЪНЯЖ(Е) или с изображениями княжеского знака. Таких цилиндров на усадьбе “Е” найдено семь. В отдельных случаях исследователю удалось определить принадлежность последних конкретному князю. Другая группа цилиндров имела надписи “емец”, “мечник” или изображение меча – символа мечника. Мечник – княжеское должностное лицо, которое осуществляло сборы податей в пользу князя или церкви и которому полагалась при этом определенная доля. Таких находок на усадьбе “Е” обнаружено 14, на четырех поименованы сами мечники – Нежата, Хотень (дважды) и Лазарь. На основе анализа статей Краткой и Пространной Правды В.Л. Янин определяет соотношение между княжескими, цер-

ковными долями и долей сборщика налогов – 100 к 20 и 28. В Новгороде найдены и цилиндры с обозначением стоимостей (в гривнах) ценностей в мешках. Стоимости содержимого в мешках обозначали и зарубки на цилиндрах. В надписях на четырех цилиндрах указаны местности, где мечниками осуществлялись сборы доходов: 1) районы рек Ваги и Пинеги – притоков Северной Двины; 2) область реки Тихменги, впадающей в озеро Лаче. Оба региона находятся в Заволочье.

Становится вполне очевидным, что на усадьбу “Е” в XI – начале XII в. поступали опечатанные мешки с государственными податями. И то, что находки цилиндров связаны не с Городищем или Ярославовым дворцом, где находились резиденции новгородских князей, – надежное свидетельство активного участия в фискальных мероприятиях сначала племенной, а потом боярской верхушки. Следовательно, в Новгородской земле, по крайней мере, с начала XI в. (этим временем датируются в Новгороде ранние находки цилиндров) князь и княжеские люди не имели права самостоятельно собирать государственные подати, этим ведала новгородская знать. Князю в виде дара или жалованья выделялась фиксируемая часть доходов, которая доставлялась мечниками в мешках, запломбированных цилиндрами, в пункты сборов, одним из которых и была усадьба “Е”.

Такой порядок взимания государственных податей, как определяет В.Л. Янин, был закреплен за Новгородом еще в 1019 г. Ярославом Мудрым (“грамоты Ярославли”, на которые делаются отсылки в последующих актах, регламентирующих эту систему). Однако и тогда это не было нововведением – Ярослав только подтвердил ранее установившиеся нормы взаимоотношений новгородцев с приглашаемыми князьями. Уже на заре становления новгородской государственности княжеская власть регламентировалась договором между местной верхушкой и приглашенным князем. В Новгороде он был как бы приглашенным на службу “крупным чиновником”. Князь и его дружинники не имели права владеть землей на территории, подвластной Новгороду, и собирать государственные подати. Находки деревянных цилиндров, подобных новгородским, сделанные в польско-поморском городе Волине и ирландском Дублине в культурных напластованиях X в., дают основание говорить о бытовании их в Балтийском регионе уже в эпоху викингов. В этой связи, заключает автор рецензируемой книги, становится понятным летописное известие под 862 годом о призвании князя из-за моря с целью прекращения возникшей межплеменной распри. Так в Новгороде (на Новгородском городище) обосновался Рюрик. Его власть, утверждает исследователь, сразу же была регламентирована рядом – договором, определившим нормы взаимоотношений между приглашенным князем и местной знатью. Эти древние нормы и были подтверждены Ярославом Мудрым.

В.Л. Янин отмечает, что местопребывание сместного суда в Новгороде определялось расположением усадьбы очередного посадника. В этой связи было бы интересно проследить историю судебной постройки усадьбы “Е”. Ее возведение в 1126 г. в Людином конце Новгорода оправдано – в это время посадничество получил людинский боярин Мирослав Гюрятинич. Обновление настила в 1132 г., документированное дендрохронологическими анализами, следует связывать с деятельностью опять-таки людинского боярина

Петрилы Микульчича, бывшего посадником в 1131–1134 гг., а замена настала в 1146 г. – с посадничеством Нежаты Твердычича (1144–1146 и 1160–1161 гг.), которого также можно причислить к людинской знати. Возникает вопрос: что было с постройкой сместного суда усадьбы “Е” в те годы, когда посадниками были представители неревского и славенского боярства? Пустовала ли она в эти периоды? Было ли местонахождение сместного суда постоянным или перемещалось в зависимости от управления городом боярством того или иного конца?

К людинскому боярству В.Л. Янин относит также посадников Мирошку Несдинича и его сына Дмитра, что надежно аргументировать не представляется возможным. Обнаруженные на Троицком раскопе две берестяные грамоты (№ 502 и 603), связываемые с Мирошкой Несдиничем, не свидетельствуют о его местожительстве в Людином конце. Первая из этих грамот написана им самим и адресована Олисею Гречину, проживавшему, как отмечено выше, по соседству с усадьбой “Е”. Находка грамоты 603 на Троицком раскопе также вполне объяснима – она адресована тому же Гречину (и Мирославу). Известно, что Мирошка Несдинич получил посадничество в борьбе с представителем боярства Прусской улицы Михалкой Степановичем, а его сын Твердислав Михалкович, достоверно связанный с Прусской улицей и опиравшийся на Людин и Загордный концы Новгорода, стал посадником в 1207 г. в борьбе с Мирошкинскими. Сместной суд в период посадничества Мирошки Несдинича (1189–1204 гг.) вряд ли мог оставаться в Людином конце (на усадьбе “Е”), или же его местопребывание в это время определялось местом усадьбы полномочного представителя князя?

Весьма интересным представляется наблюдение В.Л. Янина, что до середины X в. податная территория Новгорода ограничивалась Приильменьем с низовьями Шелони и Ловати. В этой связи нельзя не обратить внимания на то, что это – коренная область расселения словен ильменских, как она очерчивается по распространению новгородских сопок. В других местностях, в том числе в Помостье и Полужье, эти памятники наслаиваются на земли, ранее освоенные кривичами – носителями культуры псковских длинных курганов. Эти области вошли в состав государственной податной территории Новгорода после 947 г. в результате установления погостной системы на Мсте и Луге княгиней Ольгой. К этому же событию, по всей вероятности, относятся два погоста особого характера. Это – Важанский и Имоволожский, весь доход с которых поступал в личную казну новгородских князей. Местонахождение Имоволожского погоста до сих пор оставалось неопределенным. Теперь В.Л. Янину удалось надежно локализовать его в верховьях р. Мсты (регион озера Имоволожье), т.е. в области установления погостов и даней княгиней Ольгой. Важанский погост помещается исследователем на реке Свирь, соединяющей Ладожское озеро с Онежским. Возникает вопрос, каким образом он там оказался? Более оправданной была его локализация на реке Луге, в зоне регламентации податей Ольги. Свое название он мог получить от этнонима води – вожан, проживавших в X в. в среднем и нижнем течении этой реки. Тогда было бы понятным особое положение этих двух погостов.

В.В. Седов